

УДК 81'42

В.П. Гредель

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор С.Г. Ильенко

О КОНЦЕПТОСФЕРЕ РОМАНА Е.И. ЗАМЯТИНА «МЫ» В СВЕТЕ ПЕРВОГО «ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА» СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

В статье рассматриваются тождественные черты языковой картины мира романа Е.И. Замятина «Мы» и «Толкового словаря русского языка» под редакцией профессора Д.Н. Ушакова.

Концепт, «Мы», нумера, Единое Государство, Благодетель.

This article deals with identical features of the linguistic picture of the world of E.I. Zamyatin's novel "We" and "Explanatory Russian language dictionary" edited by the professor D.N. Ushakov.

Concept, we, numbers, One State, Benefactor.

«Мы – я и другие люди моего круга,
государства, класса, моей партии, нации,
семьи, одних со мной взглядов,
убеждений и т.п.»

*Толковый словарь русского языка /
под ред. Д.Н. Ушакова*

Сопоставление названия романа Е. Замятина «Мы» и весьма близкое толкование этого местоимения в первом «Толковом словаре русского языка» (далее – сл. Ушакова) советской эпохи рождает соблазн сравнить ряд тождественных общественно-политических лексем с целью выявления черт языковой картины мира дискурсов романа выдающегося писателя и словаря выдающихся отечественных филологов Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, Б.А. Ларина, С.И. Ожегова, Б.В. Томашевского и Д.Н. Ушакова (Ср. «Человек перестал быть диким человеком только тогда, когда **мы построили** Зеленую Стену, когда **мы** этой Стеной изолировали **свой** машинный, совершенный **мир** – от неразумного, безобразного мира деревьев, птиц, животных...» у Е. Замятина и «Самое важное с точки зрения строительства **мы** уже сделали. **Стлн**», сл. Ушакова [13, с. 287]).

Об особенностях идеологического наполнения словаря Ушакова писала в 1995 г. С.Г. Ильенко в статье «Интертекстуальность на страницах толковых словарей советского периода в свете контекстуального принципа акад. В.В. Виноградова» [4]. В том же году вышла книга Н.А. Купиной «Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции», в которой «предлагается прочтение идеологом толкового словаря как особой системно-структурной целостности, обладающей целенаправленной адресованностью» [5, с. 4]. Именно это дало возможность автору «определить функцию идеологических предписаний как главную функцию тоталитарного языка и показать,

как система идеологом трансформируется с сверх-текст мифологем» [5, с. 4].

Роман Е.И. Замятина «Мы» представляет собой антиутопию, повествующую о жизни Единого Государства во главе с Благодетелем. Наиболее близким к нашему пониманию термина «антиутопия» будет определение его в «Литературной энциклопедии терминов и понятий»: «Пародия на жанр утопии либо на утопическую идею; подобно сатире, может придавать своеобразие самым различным жанрам: роману, поэме, пьесе, рассказу» [6, с. 38]. Однако не следует забывать, что, как пишет в своей книге «Utopia and Anti-Utopia in Modern Times» Krishan Kumar: «Утопия и антиутопия противоположные, но все же взаимозависимые. <...> Антиутопия сформирована утопией и питается, паразитируя на ней. <...> Утопия обеспечивает положительное значение, на которое антиутопия отвечает отрицательно. Антиутопия берет свой материал из утопии и снова собирает в себе способ действия, который не признает существование утверждений утопии» (Цит. по: Andrew Hamilton «Yevgeny Zamyatin's We, and the Fallacies of Logic in Utopia». Пер. с англ. – В.П.) [18].

Роман Е. Замятина «Мы» был написан в 1920 – 21 гг., отразив зарождение так называемой пролетарской диктатуры, которая в дальнейшем перерастет в эпоху всеобщего страха, многочисленных репрессий и террора. Писатель предвидел последствия, к которым неизбежно должно привести то наступление на свободу, которое уже осуществлялось в стране. Отсюда и ориентация создателя романа на такие концепты, как: *мы, Единое Государство, Благодетель, Часовая Скрижаль, Хранители, Зеленая Стена, нумера, День Единогласия* и др. Концепт в данном случае понимается как категория, включающая в себя понятие, но не исчерпывающаяся им; оно отражает все содержание слова, денотативное и коннотатив-

ное, а также восприятие его носителями данной культуры во всей совокупности его ассоциативных связей. Такое понимание складывалось постепенно (см. подобную формулировку у Ю.Д. Чернейко [17, с. 75]).

Название романа «Мы» обязывает обратиться к этому концепту в его противопоставленности концепту «я». Несколько слов о структуре «я». Существуют различные квалификации понятия «я» как в психологии, так и в философии. Философский ракурс этого понятия обнаруживаем в «Вопросах философии» (1999) в статье А.Г. Никитиной, которая, ссылаясь на работы Джорджа Мида, представляет «я» в двух ипостасях: индивидуальное «я» и социальное «я». При этом в каждой политической системе в зависимости от эпохи, местоположения и других конкретных условий структура «Я» меняется. «Случалось, в ней доминировало одно из этих «Я», и порой настолько, что второго как бы и вовсе не существовало. В таких условиях и возникали индивидуально (или социально) ориентированные системы...» [8, с. 28].

Показательно в связи с этим признание самой А.Г. Никитиной: «Как ни парадоксально, первыми дотошными и глубокими исследователями социально ориентированных систем были писатели, которые к тому же нередко описывали не только наблюдаемую ими действительность, но и будущую (Е.И. Замятин «Мы», Дж. Оруэлл «1984 год» и др.)» [8, с. 27]. В каком же качестве присутствует «я» в романе Е. Замятина?

Любое общество начинается с отдельной личности, и в начале романа «Мы» Д-503 в восторге от осознания себя частью гигантской машины **Единого Государства**: *«Я пишу это и чувствую: у меня горят щеки. Да: проинтегрировать грандиозное вселенское уравнение. Да: разогнуть дикую кривую, выпрямить ее по касательной – асимптоте – по прямой. Потому что линия Единого Государства – это прямая. Великая, божественная, точная, мудрая прямая – мудрейшая из линий...»*. Неслучайно использование «я» подкрепляется: парцелляцией, большим количеством однородных членов, а также повторами слов «да» и «прямая», что создает возможность передать особое, необычное для Д-503, эмоциональное состояние.

«Мы» в романе – это жители Единого Государства. Сами персонажи имен не имеют, их заменяют лишь номера (Д-503, О-90, I-330, R-13, Ю, S-4711), что лишний раз подчеркивает обезличивание человека. В этой связи представляет интерес именование Е.И. Замятиным нумеров по гендерному признаку: гласной буквой обозначены женские номера (О-90, I-330, Ю), согласной – мужские (Д-503, R-13, S-4711). У нумеров много обязанностей: следовать распорядку дня, соблюдать законы Единого Государства, выполнять часовую норму сна и т.д. Имеют они и право, но лишь одно. Вот как об этом сказано в романе: *«У меня по отношению к Единому Государству, – пишет в своем дневнике Д-503, – есть это право – понести кару, и этого права я не уступлю. Никто из нас, нумеров, не должен, не смеет отказаться от этого единственного своего – тем цен-*

нейшего – права». Весьма показательна созвучность этого признания Д-503 с известным высказыванием Никколо Макиавелли: «...Государь не волен выбирать народ, но волен выбирать знать, ибо его **право карать** и миловать, приближать и подвергать опале» [7]. Обратим внимание на чрезвычайную близость этой цитаты со сказанным у Замятина: *«...если капнуть на идею "права". Даже у древних – наиболее взрослые знали: источник права – сила, право – функция от силы. И вот – две чашки весов: на одной – грамм, на другой – тонна, на одной – "я", на другой – "Мы", Единое Государство. Не ясно ли: допускать, что у "я" могут быть какие-то "права" по отношению к Государству, и допускать, что грамм может уравновесить тонну, – это совершенно одно и то же. Отсюда – распределение: тонне – права, грамм – обязанности; и естественный путь от ничтожества к величию: забыть, что ты – грамм и почувствовать себя миллионной долей тонны...»*. Данный силлогизм имеет столь сильное влияние на нумеров, благодаря использованию писателем количественных метафор (*я – мы, грамм – тонна*), которые наиболее наглядно передают читателю заданное автором значение. Согласно Н.А. Купиной, бинарные оппозиции идеологом поляризуют идеологические конструкции [11]. В данном случае это: *я – мы, грамм – тонна, права – обязанности*. Подобную аксиологическую и понятийную оппозицию отмечает Н.А. Купина в тоталитарном языке советского государства: *коллективизм – индивидуализм, всеобщее – групповое*. При этом, как и в тоталитарном языке Единого Государства, в сл. Ушакова «все коллективное интерпретируется как передовое, общественно полезное, социалистическое (коммунистическое) по содержанию; все, отделяющееся от коллектива, – как разрушительное, антиобщественное и дается с пометой *неодобр.*» [5, с. 13].

Как было сказано, номера имеют одинаковый жизненный график: их день расписан по часам и в одно и то же время дня жители Единого Государства делают одно и то же (кроме Личных часов): живут в одинаковых прозрачных домах, обставленных одинаковой мебелью, личная их жизнь протекает в одних и те же установленные **Скрижалью** часы, они ходят по улицам маршем, вместе поют гимн, едят одинаковую нефтяную пищу: *«Наши предки дорогой ценой покорили, наконец, Голод: я говорю о Великой Двухсотлетней Войне – о войне между городом и деревней. Вероятно, из религиозных предрассудков дикие христиане упрямо держались за свой "хлеб". Но в 35-м году – до основания Единого Государства – была изобретена наша теперешняя, нефтяная пища. Правда, выжило только 0,2 населения земного шара. Но зато, очищенное от тысячелетней грязи, каким сияющим стало лицо земли. И зато эти ноль целых и две десятых вкусили блаженство в чертогах Единого Государства»*.

Противопоставленность «нефтяной пищи» «хлебу» принципиальна. Нумера Замятина лишены человеческих привязанностей (и духовных, и бытовых). Национальный продукт – хлеб – заменяется нефтяным изобретением. Приверженность к национальному «богатству» уничтожена. Здесь будет уместно

напомнить «гимн хлебу» в известном издании «Сделано в СССР»: «Чем советские люди могли гордиться, так это хлебом. Нет, не обилием сортов, их как раз было немного, и не ценой <...> Самое главное – советский хлеб был вкусным! Очень вкусным! Даже взрослые мужчины, купив свежепривезенный в булочную батон или «Бородинский», с удовольствием отламывали горбушку и ели так, без ничего» [10, с. 8].

Следующие определения сл. Ушакова особенно четко характеризуют значения концепта «мы»:

– Масса – «2. *Широкие круги трудящихся, населения. <...> Советы являются наиболее мощными органами революционной борьбы масс... Сталин. Связь с массами, укрепление этой связи, готовность прислушиваться к голосу масс, – вот в чем сила и непобедимость большевистского руководства. Сталин...*» [13, с. 154];

– Трудящийся – «...*В нашей стране рабочий класс и вся масса трудящихся идет вперед под высоко поднятым победоносным знаменем партии Ленина-Сталина. Молотов*» [15, с. 815].

Таким образом, мы – это большинство, состоящее из усредненных типичных людей. Большинство, контролируя меньшинство, пытается его не только уподобить себе, но в случае необходимости и уничтожить. В этой связи интерес представляет понятие «человек-масса», введенное Х. Ортега-и-Гассетом. Объяснение этого понятия дано в статье М.А. Хевеши «Политика и психология масс»: это «средний человек, который чувствует себя как «все» и не переживает из-за этого. Будучи порождением цивилизации, он воспринимает все блага цивилизации как само собой разумеющееся, как естественно данное состояние. Его не интересуют основные ценности, созданные культурой, он не собираются их придерживаться и им служить. Это варвары, выскочившие на сцену истории и все больше заполняющие ее пространство» [16, с. 33].

Именно средними, типичными людьми являются нумера Единого Государства. Для понимания целостного значения концепта Единое Государство, необходимо обратить особое внимание на **День Единогласия** – праздник, связанный с выборами **Благодетеля**. Е.И. Замятин передает особое значение этого праздника при помощи эмоционального состояния главного персонажа романа – Д-503: «*Торжественный, светлый день. В такой день забываешь о своих слабостях, неточностях, болезнях – и все хрустально-неколебимое, вечное – как наше, новое стекло...*» Стоит отметить, что стекло в романе – символ ясности, прозрачности жизни Единого Государства. Именно определенность, известность будущего представляется нумерам высшим благом Единого Государства. Поэтому так часто употреблены эти слова в тексте: 90 раз слово «ясно» (а также 2 раза «ясный» и 1 раз «ясен»), слово «стекло» – 24 раза и слово «стеклянный» – 61 раз.

С чем же связано такое восторженное отношение как к этому дню, так и к этому человеку? Чтобы подчеркнуть исключительную значимость этого события в жизни города-государства, Замятин дал ему говорящее название – **День Единогласия**. О подобных

ритуалах в Едином Государстве как о типичном явлении в любом тоталитарном государстве пишет Райнер Гольдт: «И Д-503, и современники тоталитарных систем не могли не заметить сходство приемов, применяемых в советских политических инсценировках, с религиозным ритуалом» [2, с. 55 – 56]. Выборы Благодетеля, «**Нумера из Нумеров**», в истории **Единого Государства** всегда проходили единоголосно: все нумера всегда «голосовали» за того Благодетеля, который был им предложен (иных кандидатов никогда не было и не могло быть). Д-503 так рассуждает об этом: «*Нужно ли говорить, что у нас и здесь, как во всем, – ни для каких случайностей нет места, никаких неожиданностей быть не может. И самые выборы имеют значение скорее символическое: напомнить, что мы единый, могучий миллионклеточный организм, что мы – говоря словами "Евангелия" древних – единая Церковь. Потому что история Единого Государства не знает случая, чтобы в этот торжественный день хотя бы один голос осмелился нарушить величественный унисон*». Эта сплоченность, единость нумеров – самая главная черта, характеризующая весь строй этой цивилизации, так мастерски изображенной Е.И. Замятиным в своем романе. Поэтому тот факт, что впервые в жизни Единого Государства появляются нумера, проголосовавшие «против», свидетельствует о том, что любая, пусть даже выработанная веками система подавления личности, рано или поздно даст сбой.

Благодетель является правителем в Едином Государстве. Он следит за тем, чтобы все нумера выполняли свои обязанности и не нарушали закон: «*...с этой вершины одинаковы: и противозаконная мать – О, и убийца, и тот безумец, дерзнувший бросить стихом в Единое Государство; и одинаков для них суд: довременная смерть*». Однако перед смертью преступник должен признаться и раскрыть имена своих сообщников. Все свои поступки Благодетель совершает во благо, как пишет Д-503: «*...Тут высокая цель – забота о безопасности Единого Государства, другими словами, о счастье миллионов*». Особое значение в тоталитарном языке Единого Государства играют мифологемы (мифологемы – это «квазиидеологемы, которые насаждаются как истинные и имеют свою драматургию» [11]). Мифологемами являются такие выражения, как *забота о безопасности Единого Государства, забота о счастье миллионов* и т.п.

Таким представляется Благодетель главному персонажу романа, Д-503: «*Очнулся – уже стоя перед Ним, и мне страшно поднять глаза: вижу только Его огромные, чугунные руки – на коленях... Лицо – где-то в тумане, вверху, и будто вот только потому, что голос Его доходил ко мне с такой высоты, – он не гремел как гром...*». Именно при помощи выделения местоимения *Он* достигается эффект отстраненности, преувеличенной важности Благодетеля. Слово «Он» выделяется графически – написание с большой буквы (*Он*), синтаксически – использована инверсия («голос Его доходил»).

В глазах Д-503, а также других нумеров Единого Государства **Благодетель** подобен Богу, который спустился с небес на землю, чтобы сделать на земле

рай. Сам **Благодетель** в романе не просто сравнивает себя с Богом, но и поступает как Бог. Неслучайно на протяжении романа Д-503 несколько раз употребляет выражение «ради Благодетеля», которое было использовано Е.И. Замятиным, скорее всего, для того, чтобы подчеркнуть обожествление **Благодетеля**, закрепленное в обществе Единого Государства и на языковом уровне. На это выражение обращает внимание самого персонажа и I-330: «— *И, ради Благодетеля! Пойми же — ведь это... — Ради Благодетеля, — острый треугольник — улыбка. — Ну... ну, ради меня... Прошу тебя.*» Таким образом, сам Е.И. Замятин устами I-330 уже одним употреблением подобного выражения показывает одновременно всю нелепость и весь трагизм отношения нумеров к Благодетелю. Само выражение сопоставимо с выражением «ради Бога» («В значении междометия пожалуйста (при усиленной просьбе). Ради того чтобы, в значении союза. = Для того чтобы» [1]) или «Христа ради» («Во имя кого-чего-нибудь» [14, с. 1106] «Иза чего-либо, по причине чего-либо» [1]).

Рассмотрим значение концепта «Единое Государство». Интересно в этой связи значение слова «диктатура», данное в сл. Ушакова: «*Ничем не ограниченная государственная власть, опирающаяся на силу господствующего класса. <...> Диктатура пролетариата есть 1) неограниченное законом насилие в отношении капиталистов и помещиков, 2) руководство пролетариата в отношении крестьянства и 3) строительство социализма в отношении всего общества. Сталин*» [12, с. 709]. Кроме того, сл. Ушакова приводит следующее значение слова «государство»: «*1. Организация классового господства, имеющая своим назначением охрану экономических и политических интересов господствующего класса и подавление враждебных классов. Государство есть особая организация силы, есть организация насилия для подавления какого-н. класса. Лнн*» [12, с. 609]. Это определение весьма близко значению концепта **Единое Государство**. Государство здесь — та же система, подавляющая личность человека, полностью контролирующая жизнь людей, в романе — «нумеров», в СССР — товарищей.

В данном концепте речь идет о **Едином Государстве**. Слово «единый» в сл. Ушакова во 2 значении толкуется как «*Один, общий. Единый план действия. Единый фронт. Из воли миллионов и сотен миллионов... создать единую волю. Лнн*» [12, с. 829]. Сходными значениями обладают следующие родственные к слову «единый» слова:

— Единение — «*приведение к единству; тесная связь, сплочение, солидарность. В единении трудящихся залог победы. Призывать к единению*» [12, с. 826];

— Единодушие — «*согласие, единение в мыслях, чувствах или действиях. Собрание проявило исключительное единодушие. Если мы научимся сплочению и единодушию, мы победим в дальнейшей борьбе. Лнн*» [12, с. 828].

Как следует из данных словарных артикулов, для

функционирования государства необходимо единение, сплочение всего населения страны, что будет проявляться в мыслях, чувствах и действиях, а также в борьбе с теми, чьи взгляды этому противоречат. Именно таким государством был СССР, а не только вымышленное Е.И. Замятиным **Единое Государство**.

Выявленная параллель между романом Е.И. Замятина «Мы» и «Толковым словарем» под редакцией Д.Н. Ушакова позволяет не только более полно и целно определить значение основных концептов Замятинского романа, но и оценить это произведение как факт высочайшего профетизма [9].

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. — URL: <http://enc-dic.com/kuzhecov>
2. Гольдт, Р. Последнее убежище личности в подлинных дневниках межвоенного периода / Р. Гольдт // Евгений Замятин и культура XX века. Исследования и публикации. — СПб., 2002. — С. 37 — 63.
3. Замятин, Е.И. Мы / Е.И. Замятин. — URL: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_0050.shtml
4. Ильенко, С.Г. Интертекстуальность на страницах толковых словарей советского периода в свете контекстуального принципа акад. В.В. Виноградова / С.Г. Ильенко // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова. Тезисы докладов. — М., 1995. — С. 78 — 80.
5. Купина, Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции / Н.А. Купина. — Екатеринбург; Пермь, 1995.
6. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. — М., 2001.
7. Макиавелли, Н. Государь / Н. Макиавелли. — М., 1990. — URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/MAKIAWELLI/gosudar.txt>
8. Никитина, А.Г. Структура «Я» и «фундаментальная политическая альтернатива» / А.Г. Никитина // Вопросы философии — 1999. — № 12. — С. 22 — 31.
9. Оропай, А.Ф. Пространство и время в философско-художественном профетизме / А.Ф. Оропай. — СПб., 2010.
10. Сделано в СССР. — М., 2011.
11. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. — М., 2003. — URL: <http://enc-dic.com/stylistic/Totalitar-jazk-115.html>
12. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова: В 4 т. — М., 1935. — Т. 1.
13. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова: В 4 т. — М., 1938. — Т. 2.
14. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова: В 4 т. — М., 1939. — Т. 3.
15. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова: В 4 т. — М., 1940. — Т. 4.
16. Хевеши, М.А. Политика и психология масс / М.А. Хевеши // Вопросы философии. — 1999. — № 12. — С. 32 — 42.
17. Чернейко, Ю.Д. Гештальтная структура абстрактного имени / Ю.Д. Чернейко // НДВШ — филологические науки. — 1995. — № 4. — С. 73 — 83.
18. Carr, J.St. Zamyatin's We: Persuading the Individual to Sacrifice Self. / J.St. Carr Undergraduate Honors Theses. — 2009. — Paper 23. — URL: <http://digitalcommons.usu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1008&context=honors>